

Въ озареніи войны.

Нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ видъ разореннаго человѣческаго жилья. Нѣсколько ударовъ многопудовыхъ снарядовъ разносятъ зданіе до основанія, такъ что отъ него остается куча мусора, щебня и щепокъ. А если городокъ, мѣстечко или усадьба находятся въ полосѣ обстрѣла, то ураганнымъ огнемъ, которымъ обыкновенно готовится атака, сносится все, буквально сравнивается съ землею, и отъ человѣческаго гнѣзда остаются только торчація трубы, которыхъ — не знаю почему — большею частью не задѣваютъ ядра, шрапнели и картечь.

До Р. мы миновали много такихъ разгромленныхъ артиллерійскимъ огнемъ мѣстъ. Обгорѣвшія стропила, покоробленные листы желѣза, сорванные съ крышъ и валявшіеся подъ ногами, битая посуда, исковерканная утварь, рамы съ лохмотьями обгорѣлаго холста — бывшія картины, обугленный остовъ фисгармоніи, — вотъ что осталось отъ веселыхъ польскихъ усадебъ, въ которыхъ побывали австрійцы и надъ которыми поработалъ артиллерійскій огонь.

Мы привыкли видѣть смерть, насъ не пугаетъ видѣ самыхъ ужасныхъ ранъ, — ранъ отъ разрывныхъ пуль, которыя, пробивъ маленькое отверстіе у входа, выйдя, разрываютъ рану величиной съ блюдечко. Мы видѣли самыя ужасныя страданія, тысячи разъ мысленно пред-

ставляли себя на мѣстѣ своихъ раненыхъ товарищей. Страхъ боли, который острѣе и страшнѣе страха смерти, давно перегорѣлъ въ душѣ каждаго изъ насъ. Мы ничего не боимся, ни отъ чего не приходимъ въ отчаяніе, ничто не наводитъ на насъ ужаса. Но есть одно, къ чему нельзя привыкнуть: это обуглившіяся крыши, обломки мебели, черепки посуды...

Простые солдаты, особенно изъ крестьянъ, такіе, какъ Звѣревъ, Ложкинъ, Зозуленко, сильнѣе и глубже чувствуютъ все значеніе, весь ужасъ разрухи, чѣмъ интеллигенты.

— Стало быть, порѣшили совсѣмъ, — говорятъ они при видѣ развалинъ. — Ежели онъ не то, что человѣка, а жилья не пожалѣлъ, значить, до отчаянности дошелъ. Шабашъ, значить.

У Р. находился старинный, прекрасный паркъ польскаго магната Браницкаго. Роскошныя старыя липы, дубы въ два обхвата, высокія акаціи, лишенные вѣтвей и верхушекъ, сорванныхъ снарядами, обгорѣли и мрачно чернѣлись ровными аллеями, словно мертвецы, сторожившіе покой разрушеннаго замка. Оранжереи съ разбитыми крышами, цвѣтники, представлявшіе груды битыхъ черепковъ и сору, пруды, заваленные обломками какой-то рухляди, изрытыя окопами площадки для лаунъ - тенниса и гуляній, исковерканныя снарядами, — вотъ что осталось отъ богатаго помѣстья.

Странное, сложное чувство — жалость и еще что-то неуловимое, похожее на раскаяніе, на ощущеніе своей, хотя и невольной вины, шевельнулось въ душѣ. Отъ этого ощущенія нахмурились лица у солдатъ, крѣпче ругались они, съ особымъ усердіемъ отбивали шагъ, стараясь итти въ ногу, хотя этого совсѣмъ не нужно было, а Звѣревъ, закуливъ папироску, затаился раздва, бросилъ ее недокуренной и, плюнувъ, сказалъ.

— Коли драка, такъ скулы дробяť. А добро на что рушить? Черти!

— Помалкивай! — прикрикнулъ на него унтеръ. — Не твоего ума дѣло.

Звѣревъ закурилъ другую папиросу, но и ее бросилъ и сталъ браниться, что табакъ отсырѣлъ.

— Табакъ для военнаго человѣка — первое дѣло. А онъ, черти бы его ѣли, отсырѣлъ. Что ты станешь робить безъ курева-то въ военное время!

— На, Звѣревъ, папиросу. Буде! — предложилъ Кострюковъ.

Звѣревъ взялъ папиросу, видимо, сожалься, что нѣтъ больше предлога для того, чтобы ворчать.

Впрочемъ, браниться было некогда. Намъ приказали выйти изъ парка и направиться къ Р., гдѣ были окопы N-ской дивизіи.

У дороги, въ концѣ парка, стояло до войны каменное строеніе — должно быть, сторожка. Отъ него остались только труба и двѣ стѣны. Когда мы подошли къ этому мѣсту, изъ-за трубы выскочила ободранная одичавшая собака и съ воемъ бросилась прочь.

— Смердить чтой-то, ребята, — приблизившись къ кучѣ щебня, сказалъ Ложкинъ.

Оттуда, въ самомъ дѣлѣ, шелъ сладковатый запахъ разложенія и бѣлѣлось что-то. Это былъ трупикъ ребенка. Бѣлое платице и башмачки, оттороченные мѣхомъ, были цѣлы. Но вмѣсто лица былъ какой-то краснобурый отвратительный комокъ.

Солдаты остановились надъ разлагающимся трупомъ.

— Чего не видѣли! Ступай! — отводя въ сторону глаза, крикнулъ унтеръ.

Ложкинъ повелъ головою, словно воротникъ ему былъ тѣсенъ, и посмотрѣлъ на окружающихъ какимъ-то растеряннымъ взглядомъ.

— Эко дѣло какое... А?

И больше ни слова не сказалъ до самаго вечера, хотя любилъ поболтать. Вечеромъ, усѣвшись въ болото, гдѣ мы имѣли роздыхъ, онъ долго курилъ, потомъ свисталъ, потомъ пѣлъ и, наконецъ, тихо сказалъ:

— А платѣ на ей бѣленькое!

Опять принялся свистать и, въ конецъ, отдѣлавшись отъ своихъ мыслей и повеселѣвъ, ни съ того, ни съ сего, хлопнулъ Звѣрева кулакомъ по спинѣ и крикнулъ:

— Ходи весело, Палаша!

Это было его любимое присловье, которымъ онъ заключалъ обычно свою рѣчь или кругъ своихъ мыслей.

...Я — мирный человѣкъ. Я прочиталъ много книгъ, хорошихъ книгъ, трактующихъ о томъ, что добро и что зло. Я не могу никого убить, не могу украсть, не могу обидѣть женщину или ребенка. Я знаю, я убѣжденъ, что война — зло, что въ ней — соединеніе всего того, чего я не могу сдѣлать. Но вотъ звенить рожокъ, разсыпается по полю его тревожное „тра-та та“. У меня начинаетъ биться сердце, сдавливаются горло, мутится умъ, и нѣтъ уже ни того, что оставили во мнѣ книги, ни добра, ни зла. Есть *неизбѣжность*, и то, что я сдѣлаю штыкомъ или винтовкой, будетъ не убійство, не зло и не ужасъ, а необходимое и важное дѣло.

Въ стальномъ „тра-та-та“ — сила, которая сильнѣе меня, моего страха крови! Онъ правъ, этотъ призывный звукъ, и нѣтъ во мнѣ аргументовъ противъ него. Принципы? Какіе принципы, какія убѣжденія могутъ устоять предъ силою *неизбѣжности*? Страхъ? Но война

такое дѣло, въ которомъ страхъ побѣждается страхомъ же: для того, что-бы бѣжать, нужна большая храбрость, чѣмъ для того, чтобы итти впередъ, потому что назади пули и ядра, а ближе они перелетаютъ черезъ голову, а еще ближе, лицомъ къ лицу съ непріателемъ рѣшается вопросъ прорыва, т.-е. избавленія отъ опасности.

Когда звучитъ сигналъ, я уже не знаю, не сознаю умомъ, что мнѣ нужно дѣлать, не вижу, что я дѣлаю, но должно быть, я дѣлаю то, что нужно.

А нужно вотъ что: пробѣжать нѣсколько шаговъ, прилечь и окопаться. Опять встать, побѣжать; опять лечь и снова врыться, какъ можно глубже, въ землю. Лопатка сама вонзается въ землю, самъ собою вырастаетъ холмикъ, а въ это время я думаю совсѣмъ о другомъ, не о войнѣ, не о перебѣжкѣ, а о синемъ небѣ, о себѣ самомъ, обо всемъ, кромѣ того, что есть вокругъ меня. Объ этомъ думать нельзя.

То существо, которое представляю я, весь я, со своими мыслями, чувствами, со своимъ страхомъ, съ голубымъ небомъ, которое я вижу,—это все можетъ умереть. И тогда меня не будетъ, ни этого неба, ни войны, ни даже сдѣланнаго мною холмика земли. Объ этомъ я, и Звѣревъ, и юристъ-вольноопредѣляющійся Томилинь и всѣ думаемъ напряженно, съ бьющимся сердцемъ.

— Ахъ, такъ и такъ его!--ругается Звѣревъ, отмахиваясь лопаточкой, словно отъ мухъ, отъ летящихъ со всѣхъ сторонъ пуль.

— Пошто бранишься? Може, умрешь, — говорить тулякъ Максимовъ.

— Пошто? Веселѣе, ежели ругнешься. А то, што енъ дѣлаеть, туда его и еще туда!

— Экій языкъ у тебя, Звѣревъ! Безъ матерщины не можешь?

— А не могу, милый, такъ и не могу. Нутро такое!

— Одно слово, ходи весело!—говорить свою любимую пословицу Ложкинъ.

Это подъ пулями, въ первой линіи окоповъ, взятыхъ нами за ночь.

Скоро ли будетъ опять атака, мы не знаемъ. Теперь бьютъ ураганнымъ огнемъ. А тѣмъ временемъ мы заканчиваемъ исправленіе взятыхъ нами непріятельскихъ окоповъ, въ которыхъ мы залегли. Ихъ нужно повернуть въ противоположную сторону, „задомъ напередъ“, какъ говорятъ солдаты, т.-е. срыть насыпь назади и набросать ее впереди.

Здѣсь цѣлая сложная система траншей. Впереди, т.-е. тамъ, гдѣ мы, идетъ линія прикрытія. Тутъ находится атакующая пѣхота. Это глубокія траншеи, хорошо блиндированныя, мѣстами крытыя бревнами и землею, съ амбразурами для винтовокъ и выемками для командировъ. За этой линіей—второй рядъ окоповъ. Это, скорѣе, не окопы, а землянки съ прочнымъ прикрытіемъ. Здѣсь батареи. Мѣстами въ этой линіи выступаютъ впереди вышки для наблюденія за стрѣльбой и корректированія ея. Дальше, третій рядъ траншей, резервъ. Всѣ три линіи окоповъ соединяются другъ съ другомъ поперечными траншеями. Когда насъ бросать въ атаку, резервъ изъ третьей линіи перебѣжитъ въ первую и займетъ наше мѣсто.

Это подземный городокъ, съ улицами и переулками, но этотъ городокъ мѣняетъ свои очертанія по мѣрѣ развитія боя. Прорываются перекидные, двойныя и простыя сапы, расширяется сѣтъ траншей, набрасываются новыя насыпи, строятся и возвышаются ложныя прикрытія, чтобы заставить непріятеля бить впустую. И вся эта работа дѣлается во время боя, подъ грохотъ несмолкающей пальбы, подъ дождемъ свинца и желѣза. И не страшно дѣлать ее, а весело, потому что забываешь обо всемъ кромѣ того, что вотъ здѣсь надо

подравнять лопатой такъ-то, а тамъ нужно ковырнуть землю этакъ, или вотъ тутъ требуется углубить ровъ и поднять насыпь.

Пули сыплются и сыплются безъ конца.

— Тутъ тебѣ и почесаться не дадутъ,—добродушно и весело говорить Борзовъ, поглядывая вверхъ, гдѣ свистятъ рои пуль.

— А что вша заѣла?

— Не объ этомъ рѣчь. Стрѣляетъ шибко.

— Пушай стрѣляетъ. А намъ ништо. Знай, копай.

— Глянь-ко-ся, что у его дѣлается. Чешутъ же его наши батареи, брать! Во, во!

Солнце ярко и весело свѣтитъ. Небо сине и чисто. И только вдали, на самомъ горизонтѣ, словно нависла черная-черная туча съ ярко багровыми краями и вспыхивающими золотыми жилками.

Вдругъ тамъ гдѣ эта туча, немного влѣво отъ насъ, поднимается огромный столбъ дыма и—„пуфъ! пуфъ!“—столбъ багровѣетъ и становится огненнымъ, потомъ страшный ударъ и въ воздухъ летятъ какіе-то черные куски: камни или люди—не разобрать. Потомъ такая же исторія правѣ, и еще, и еще,—на всей видимой намъ линіи взмываются ужасные взрывы.

— Ловко!

— Да-а! Хорошо это намъ говорить: „ловко“. А ежели бы въ насъ да этакъ?

— Много, чай, народу попортило тамъ?

— Не мало, надо полагать.

— Э-эхъ! Люди, ровно блохи: бей, не считай! Такъ-то!

— Ну, размякъ, отсырѣлъ, Федоровъ. Чего пустое говоришь? Дѣлай свое дѣло!

— Насъ они, поди, пожалѣютъ?

— Да-а, пожалѣютъ! Разрывной пулей, зазубреннымъ штыкомъ—этакъ пожалѣютъ.

— На то война.

— Одно слово,—ходи, Палаша! — заключаетъ Ложкинъ.

Взрывы на непріятельскихъ позиціяхъ произошли не только вслѣдствіе дѣйствія нашего артиллерійскаго огня: нѣсколько сутокъ, главнымъ образомъ по ночамъ, саперы рыли сапу, пробираясь подъ землей къ непріятельскимъ окопамъ. Сидить солдатикъ на корточкахъ и тихо долбить землю, за нимъ—другой, третій, идутъ вглубь и впередъ. Подземная сапа проводится подъ траншею непріятеля, закладываются фугасы, проводится проволока, токъ замыкается—и готово. Траншея взлетаетъ на воздухъ.

Такая работа была сдѣлана саперами до нашего прибытія, и, какъ видно, была произведена удачно. Двѣ траншеи на обоихъ флангахъ взлетѣли на воздухъ, и непріятелю пришлось вывести, на мѣсто погибшей передовой части, свой резервъ.

По ночамъ пальба стихала, и обѣ стороны „нашаривали“ другъ друга. Развѣдочные отряды разсыпались вѣеромъ по флангамъ траншей и выясняли количество непріятельскихъ силъ, ихъ составъ, а главное, ихъ расположение, чтобы затѣмъ мѣтко направлять стрѣльбу. Цѣлый рядъ хитрыхъ, ложныхъ маневровъ со стороны непріятеля вызывалъ необходимость провѣрять каждое свое движеніе, каждое дѣйствіе, чтобы не попасть впро-сакъ. Наступленіе на одномъ мѣстѣ не означало еще наступленіе вообще, а производилось для того, чтобы отвлечь наше вниманіе и сдѣлать какое-нибудь опасное для насъ движеніе; усиленный огонь изъ такого-то пункта прикрывалъ рѣшительныя и серьезныя операціи въ другомъ пунктѣ. Ничего нельзя было предвидѣть, ничему нельзя было вѣрить, и только тщательныя и серьезные развѣдки давали матеріаль для насъ, и наши дѣйствія были сознательными, а не случайными.

Насколько въ бою, въ атакѣ важно чувство общности, сліяніе отдѣльныхъ единицъ въ одинъ боевой коллективъ, настолько въ развѣдочныхъ операціяхъ важна личная инициатива, смѣтливость, находчивость. Въ бою огромную роль играетъ коллективная храбрость: тутъ не важно, что Ивановъ или Петровъ храбръ, а важна нивелировка, чтобы всѣ были, приблизительно, одинаковы, чтобы личное начало поглощалось и покрывалось коллективнымъ, массовымъ порывомъ. Въ этой войнѣ, гдѣ дѣйствуютъ машины, гдѣ огонь бьетъ съ точностью часового механизма, гдѣ снаряды не только рвутся и производятъ опустошенія, но и показываютъ на дистанціонной трубкѣ разстояніе, которое они пролетѣли, въ этой войнѣ, гдѣ стрѣляютъ по невидимой цѣли и попадаютъ въ нее, гдѣ побѣждаютъ на основаніи точныхъ математическихъ вычисленій, гдѣ цифра нерѣдко сильнѣе человѣка,—личный примѣръ не играетъ почти никакой роли. Здѣсь дѣйствуютъ только двѣ силы: стихія и техника. Стихія—это массовая психическая сила, сумма настроеній Ивановыхъ, Петровыхъ, Корнѣевыхъ, а техника—это тѣ усовершенствованныя орудія, тѣ сложные приемы, которые примѣняются съ обѣихъ сторонъ въ этой войнѣ.

Другое дѣло—развѣдка. Здѣсь Ивановъ или Петровъ долженъ быть самимъ собою. Личныя свойства развѣдчика—вниманіе, осторожность, хитрость, нюхъ, способность къ анализу—имѣютъ огромное значеніе.

Поэтому среди нашихъ развѣдчиковъ были такіе люди, вокругъ имени которыхъ сплетались цѣлыя легенды. Таковъ былъ грубоватый и на первый взглядъ неуклюжій Звѣревъ.

— Звѣревъ—онъ те носомъ за три версты различаетъ непріятеля,—говорили про него солдаты.

— Звѣревъ слѣдъ чувствуетъ. Вотъ понюхаетъ землю и знаетъ, кто прошелъ по ней.

Ночью девять человекъ, со Звѣревымъ въ ихъ числѣ, отправились на развѣдку. По небу забѣгали бѣлыя полосы свѣта прожекторовъ, нащупывавшихъ темноту.

— Нашариваетъ,—сказалъ Ложкинъ.

— Гляди-ко, и наши тоже.

Съ нашей стороны вспыхнулъ ярко-бѣлый свѣтъ и побѣжалъ по-полю. Обѣ стороны старались обнаружить развѣдочные отряды, шаря по кустамъ, по оврагамъ, по всемъ потайнымъ мѣстамъ. Отъ тишины, отъ troppoливо перебѣгавшихъ сноповъ свѣта, отъ того, что небо было чернымъ-черно и съ него падалъ внизъ мелкій-мелкій дождикъ, было жутко.

И вдругъ крикъ — заячій, полный невыразимаго страха.

— Ай-яй!

— Что тамъ? Кто это?—послышался голосъ командира.

— Шпіёна пымали, ваше благородіе,—отвѣтилъ невѣдомо откуда вынырнувшій Звѣревъ, держа за воротъ маленькаго, вертляваго человека.

— Какого шпіона? Что ты бредишь? Какіе тутъ могутъ быть шпіоны? Непріятельскій развѣдчикъ?

— Никакъ нѣтъ. Шпієнъ. Онъ самый.

— Ай-яй!—опять по заячьи пискнулъ человекъ и, присѣвъ зачѣмъ-то на корточки, началъ быстро-быстро лепетать что-то по-нѣмецки.

Отошли мы шаговъ сто отъ нашихъ окоповъ,—докладывалъ Звѣревъ,—Миляевъ запнулся за что-то и упалъ. Упалъ и говорить: „провода“. Смотрю, точно: провода. Подъ землей она идетъ, да не глубоко, а въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Миляевъ запнулся, совсѣмъ вышла наружу. Ну, мы по ней назадъ пошли, и она довела насъ до халупки. Этакъ ладно устроился, собака: между второй и третьей траншеей въ лѣсочкѣ. Огонь-

ки тамъ разные у него въ окошкѣ: то красный за-
свѣтитъ, то синій. А въ халупѣ у него подъ периной
телефонъ. Ясное дѣло, какую птицу словилъ.

— Ай-яй!—забился человѣкъ и совсѣмъ легъ на
землю, охвативъ руками сапоги рогатого.

Человѣкъ этотъ, австріецъ-крестьянинъ, корректи-
ровалъ стрѣльбу непріятеля въ наши позиціи при по-
мощи телефона и свѣтовыхъ сигналовъ, но, видимо,
плохо корректировалъ, потому что весь день непріа-
тельскіе снаряды попадали плохо.

Его халупа сослужила намъ службу. Поручикъ Ч.,
забравшись туда, попытался, какъ онъ сказалъ, „под-
ложить свинью“ непріятелю—направлять его стрѣль-
бу, разумѣется, не въ наши окопы; маневръ нѣкоторое
время удавался, пока непріятель не разобрался, что
его обманываютъ: до полудня непріятельская артилле-
рія била по лѣсу, гдѣ никого не было.

Шпіона увели. Онъ продолжалъ жалобно кричать.
И, странное дѣло, солдаты жалѣли его.

— Пропаль, нѣмецъ.

— А что ему будетъ?

— Эхъ, дядя! Извѣстное дѣло, что будетъ: кокнуть.

— Плакалъ же онъ какъ! Страхъ!

— Помереть, я чай, не сладко.

— Животная—и та умирать не хочетъ.

— А шпіонить любишь? Самъ себя человѣкъ убилъ.

— Робилъ бы какую работу, коли жрать охота. А
то вотъ на какое дѣло выдумаль.

— Каждый человѣкъ по своей специальности. Ты,
скажемъ, солдатъ, а онъ шпіентъ.

— Я, никогда не выдавши шпіоновъ, думаль, что
они другіе. А такой же человѣкъ, какъ всѣ. Даже
плѣшь у него на головѣ, какъ у нашего лавочника
Митрохина... Капуть ему теперь.

— Ка-а-путь! И лысинѣ его капуть.

О шпионѣ говорили долго. Больше всѣхъ интересовался его судьбою поймавшій его Звѣревъ, но, когда узналъ, что все, что полагается въ этихъ случаяхъ, со шпиономъ сдѣлали, онъ пересталъ интересоваться имъ.

— Теперь тебѣ, Звѣревъ, награда выйдетъ, — сказалъ кто-то.

— Отстань, — отмахнулся Звѣревъ.

Вечеромъ стало извѣстно, что ночью будетъ атака. Солдаты, какъ всегда, „прибирались“ передъ боемъ: смѣняли сорочки, у кого была смѣна, переобувались, умывались:

— Умирать надо чисто.

Вольноопредѣляющійся Томилинъ сидѣлъ въ углу траншеи и думалъ о чемъ-то. Потомъ вдругъ поднялся и подошелъ ко мнѣ.

— Я говорилъ вамъ какъ-то, что я невѣрующій. А теперь я вѣрю. И, знаете, вообще, война измѣнила, кажется, насъ всѣхъ. То есть убѣжденіе и взглядъ остались тѣ же, но въ душѣ что-то новое.

— Причастіе огнемъ и кровью? — вспомнилъ я его же выраженіе.

— Нѣтъ, не то. Я не могу сказать что. Въ словахъ — претенціозность и вычурность. Вотъ, Звѣревъ или Зозуленко могъ бы это выразить, а я не могу... Ожиданіе чего-то, напряженное, страстное ожиданіе, предъ которымъ моя смерть — пустякъ, мелкій эпизодъ, не имѣющій никакого значенія.

— Что, братъ, боишься? — спросилъ кто-то въ темнотѣ невиднаго намъ собесѣдника.

— Чего боюсь? На людяхъ то? — отвѣтилъ тотъ. — Да и коли боюсь — не спросать. Нужно — и весь сказъ.

— Правильно!

Томилинъ кивнулъ головой, какъ бы соглашаясь

съ тѣмъ, что „весь сказъ“ въ томъ, что „нужно“, и отошелъ.

Отдали приказъ выйти изъ траншеи, разсыпаться и тихо подходить къ непріятельскимъ позиціямъ. Знакомое чувство не то страха, не то напряженія охватило всего.

Непріятель на сторожѣ. Онъ замѣтилъ или почуялъ готовившуюся атаку. Пулеметы застрочили и выбросили свои вѣра пуль.

Словно колосья, спѣлые и сухіе, шуршатъ надъ головою. Это шипятъ, сливаясь въ страшный шопотъ, тысячи пулькъ. Ближе—слышнѣе и ярче звукъ. Пульки, теряя силу удара, скользятъ по тѣлу, звенятъ, ударяясь о флагу.

И опять, какъ нѣсколько дней тому назадъ во время атаки, я чувствую, что думать о страхѣ теперь нельзя, иначе онъ придетъ, и будетъ плохо.

Недалеко отъ меня Томилинь и Кириченко. Одинъ справа, другой слѣва припали къ землѣ. Я не знаю, отчего мы лежимъ такъ долго, но вижу сквозь прищуренныя вѣки, что между нами вертится что-то огненное, и слышу его густое гудѣніе. Надо отползти въ сторону, но руки и ноги не слушаются, а тѣло, тяжелое и неуклюжее, прилипло къ землѣ.

— Убьетъ? Меня или Томилина? Вѣроятно, Томилина: къ нему „оно“ ближе. Ахъ, если бы не меня, если бы не меня! Сколько мнѣ лѣтъ? Тридцать два всего. Если я до разрыва сосчитаю четное число, я уцѣлѣю. Разъ, два, три...

— Ба-ахъ!

— Что? Уже? Тридцать два года? Томилинь или я?

Томилинь вскакиваетъ на ноги. Я тоже встаю. Кириченко лежитъ.

— Кириченко!

— Ась?

— Живъ?

— Цѣлъ.

— Почему лежишь?

— А „она“ уже?

— Уже.

Кириченко садится и, снявъ шапку, широко крестится.

По полю пробѣгаетъ узкая красная полоска свѣта. Это сигналъ къ атакѣ. Бросокъ впередъ—разъ. Я ничего не вижу. Только какія то сѣрыя и синія пятна. И не слышу ничего. Только смѣсь звуковъ, похожая на шумъ прибоя или, вѣрнѣе, на жужжаніе.

Передать впечатлѣніе атаки нѣтъ никакой возможности.

Впечатлѣнія нѣтъ. Есть только такое чувство, будто преодолевашь какую-то преграду. Вотъ она поддается.

— Наша беретъ, наша!—кричатъ гдѣ-то.

Вотъ она навалилась на насъ, и давить, и оттискиваетъ назадъ.

— Резервъ подходитъ. Держись!

— Напри, напри! Еще разикъ!

— Ура!

Опять поддается преграда. Подошедшій непріятельскій резервъ смятъ. Подъ ногами мягкое и живое, шевелится, вздувается буграми.

— Уже?—спрашиваютъ, какъ тогда, когда мы лежали передъ снарядами.

— Шабашъ.

Траншея взята. Да не она одна. Непріятель уходитъ, спѣшно стягивая фланги. Уходитъ безъ попытки сдержать наше преслѣдованіе.

За тремя рядами окоповъ пылаетъ городокъ Ж-въ. Уходя, непріятель поджегъ его. Раскинувъ руки и ноги, лежатъ во всѣхъ направленіяхъ люди. Одна траншея

набита до-верху трупами. Нѣкоторые стоятъ съ винтовками въ рукахъ, какъ живые.

Нѣсколько жителей городка, не успѣвшіе убѣжать, жмутся къ стѣнамъ горящихъ ярко домовъ и смотрятъ на насъ полными ужаса глазами. Одинъ старикъ полѣзъ въ огонь, подъ пылающую крышу. Пробѣжала женщина съ ребенкомъ въ рукахъ. Женщина и ребенокъ въ бѣломъ.

— А платице на ей бѣленькое,—вспоминается восклицаніе Звѣрева.

— Жгутъ они зачѣмъ?—спрашиваетъ Кириченко.— Энти, вѣдь, не воюютъ. Такъ чего же они ихъ обижаютъ, своихъ-то?

— Звѣрье!—бросаетъ Томилинь по адресу уходящихъ австрійцевъ.

А пожаръ разгорается все шире и шире. Австрійцы зажгли и лѣсъ за городкомъ, и деревню.

— Со злобы,—объясняетъ Звѣревъ.

— Ни намъ, ни вамъ. Хоть бы жителей пожалѣли. ...Горнисть трубить сборъ.

В ъ б о ю.

— Эй, сорока, куды прешы!

„Сорокою“ унтеръ называлъ добровольца Мишутку, или Михаила Граченкова, мальчика лѣтъ четырнадцати, который, несмотря на усиленный обстрѣлъ нашихъ окоповъ, высунулся изъ-за насыпи, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

На окрикъ унтера Мишутка не обратилъ никакого вниманія. Онъ ловко и умѣло цыкнулъ слюну сквозь зубы и продолжалъ свое дѣло—высматривалъ что-то впереди окоповъ, напѣвая пѣсню, въ которой были такія слова, что солдаты постарше — отмахивались отъ нея и говаривали:

— Экій вострый, сукинъ котъ! Ну и пѣсня! Гдѣ ты ее, пострѣленоку, выискалъ?

— Самъ придумалъ. Собственное свое сочиненіе Михаила Граченкова,—отвѣчалъ Мишутка, поглядывая на солдатъ съ такимъ видомъ, будто говорилъ:

— Вотъ я каковъ!

— Кокнетъ тебя шрапнель — запоешь. Слазь, говорю!—кричалъ унтеръ.

Мишутка оглянулся на него и пропѣлъ:

Эй, Вильгельмъ, трусь—не трусь—

Потяну тебя за усь...

Дальше были такія слова, что солдаты покатились,

со смѣху, а бородатый унтеръ нахмурился, плюнулъ и прикрикнулъ на солдатъ:

— Чего раскудахтались. Выпороть бы мальчишку за такія слова, а они радуются. Слазь, а не то за ноги тебя, сукинаго сына, стащу!

Мишутка, притворяясь, что онъ нисколько не боится унтера, не снѣша слѣзъ съ насыпи и плутовски подмигнулъ солдатамъ, отъ чего тѣ опять размѣялись.

— Вотъ такъ bestія!

Одно слово — шутъ. Тебѣ бы клоуномъ задѣлаться, Мишка!

— А что я видѣлъ, ребята! Вотъ страсти, растагъ-то его душу!

Мишутка началъ рассказывать что то. Но въ эту минуту надъ нашими головами послышалось характерное гроыханіе снаряда, который, упавъ шагахъ въ десяти отъ траншеи, разорвался съ оглушительнымъ трескомъ.

— Буде, ребята, буде. По мѣстамъ, — приказаль взводный.

Благодаря ночнымъ сапнымъ работамъ наши траншеи подошли къ непріятельскимъ позиціямъ такъ близко, что, когда смолкала пальба, намъ слышенъ былъ смутный гулъ людского говора, команда, лязгъ и звонъ оружія и перекликаніе часовыхъ по ночамъ. Прошлой ночью Мишутка безъ приказанія „лазилъ“ къ непріятельскимъ аванпостамъ и притащилъ ранецъ, набитый всякой всячиной. Тамъ были и галеты, которые, по словамъ солдатъ, „куда какъ скусны“, былъ табакъ, были тамъ даже мыло и зеркальце. Для того, чтобы добыть ранецъ, Мишуткѣ, какъ онъ говорилъ, пришлось преодолѣть цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій и, въ концѣ концовъ, „задавить“ часового. Три четверти изъ того, что онъ рассказывалъ, онъ, кажется, выдумалъ, но самъ, видимо, вѣрилъ въ свои

фантастическая приключенія и особенно хвалился тѣмъ, какъ онъ „цапнулъ“ часового изъ-за спины, какъ впѣпился ему въ горло, какъ тотъ выпучилъ глаза и высунулъ языкъ, а потомъ „дрыгнулъ“ ногами и око-лѣлъ“.

— Да ну, брось! — кричали на Мишутку солдаты. Экій звѣренушъ какой, право!

Но его нимало не смущало брезгливое отношеніе солдатъ къ его разсказу. Онъ повторялъ его разъ десять въ теченіе дня, выдумывая всякій разъ новыя подробности, пока ему самому не надоѣло.

Мишутка состоялъ прежде при конномъ развѣдочномъ отрядѣ, отбился отъ своихъ и присталъ къ намъ. Съ нами онъ прошелъ отъ Яварува до Самбора, легко переносилъ всѣ походныя лишенія, несмотря на свое тщедушіе; ловко лазилъ по горамъ и былъ отличнымъ развѣдчикомъ, хотя вѣрить ему было трудно и надо было провѣрять его сообщенія, потому что онъ больше вралъ про препятствія и западни, которыя ему будто бы приходилось преодолевать.

...Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились въ данную минуту, должны были развиваться серьезныя боевыя операціи. Непріятель стянулъ сюда большія силы, чтобы прикрыть желѣзнодорожныя магистрали отъ Суха-Скавче къ Чацѣ и отъ Бѣльжеца къ Мункачу, по которымъ онъ въ теченіе всей кампаніи перевозилъ свои войска съ одного участка фронта на другой. Конечные пункты этихъ магистралей — Чаца-Новый и Хыровъ были уже въ нашихъ рукахъ, но, уходя, непріятель разрушилъ желѣзнодорожный путь до такой степени, что возстановить его не было никакой возможности, особенно въ короткое время, которое мы имѣли въ своемъ распоряженіи.

Но бой не начинался, если не считать случайныхъ артиллерійскихъ и ружейныхъ перестрѣлокъ. Фронты

обоихъ войскъ, растянувшіеся на нѣсколько десятковъ верстъ, все время производили стратегическія передвиженія, извиваясь, какъ змѣи, то занимая новыя позиціи, то уступая безъ боя старыя съ возведенными на нихъ земляными укрѣпленіями. Непонятныя для насъ, недоступныя намъ, простымъ рядовымъ, соображенія штаба заставляли насъ чуть ли не по нѣскольку разъ въ день мѣнять мѣста, маршировать то туда, то сюда, окапываться, оставлять окопы, отступать и снова наступать. Въ одномъ мѣстѣ ослабляли фронтъ, переводя войсковыя части въ другое мѣсто и производя въ этомъ ослабленномъ пунктѣ демонстративное наступленіе, чтобы заставить обманутаго ложнымъ движеніемъ непріятеля здѣсь именно сосредоточить свои силы и неожиданно ударить на него съ другой стороны. Словно два драчуна-задиры, собираясь подраться, предварительно дѣлали „подходы“ и подраживали другъ друга.

— А ну-ка, ударь сюда!—точно говорили мы, оставивъ у П. слабый заслонъ и начавъ этимъ заслономъ ложную атаку.

— Отчего бы вамъ не побить насъ, когда насъ въ этомъ мѣстѣ такъ мало?—какъ бы спрашивали мы, намѣренно демонстрируя малочисленность войска въ данномъ пунктѣ.

— Ну васъ совсѣмъ. Мы васъ боимся, мы уходимъ,—бросая окопы и спѣшно отступая послѣ ложной атаки, словно говорили намъ гонимые полки, бросаясь въ бѣгство, казавшееся на взглядъ паническимъ и безпорядочнымъ.

— Ну, нѣтъ, хитришь, братъ! грохотали наши пушки, посылая въ спину уходящему непріятелю снарядъ за снарядомъ.

— Теперь мы васъ раскусили,—гремѣли въ отвѣтъ

выстрѣлы внезапно повернувшейся къ намъ фронтомъ неприятельской артиллеріи.

Про то, что это только демонстрація, знаютъ тамъ, въ недосыгаемой штабной квартирѣ, гдѣ движеніемъ пальца по картѣ перебрасываютъ корпуса, дивизіи и полки, насъ, живыхъ людей, съ мѣста на мѣсто. Тамъ мы боевыя части, здѣсь мы — Пахомовы, Сидоровы, Грачевы, которые, идя въ атаку, ложную или серьезную, переживаютъ всѣ перипетіи боя — страхъ, ужасъ, энтузіазмъ, опьяненіе и восторгъ. Они не бьются „за такъ“, они бьются и умираютъ во имя необходимости и горятъ въ боевой страдѣ, потому что такъ нужно. Пахомовы не знаютъ тонкостей стратегіи, не понижаютъ хитростей: для нихъ бой — серьезное дѣло, гдѣ идетъ все „на чистоту“. Иначе какъ же можетъ быть, чтобы люди шли на смерть, не боялись ранъ и страданій.

Благодаря стратегическимъ уловкамъ, примѣнявшимся обѣими сторонами, развѣдочныя операціи играли значительную роль. „Нащупывая“ другъ друга, мы узнавали объ истинныхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ неприятеля. И тутъ-то Мишутка и другой „бойскоутъ“, находившійся при нашей ротѣ, Василій Дѣдовъ, были незамѣнимы. Шустрые и неустрашимые, они, эти пролазы, пробирались въ самый центръ расположенія неприятеля и, если Мишутка фантазировалъ и вралъ безъ всякой видимой цѣли, а такъ, для живости разсказа, то Васька правдиво возстановливалъ картину дѣйствительности.

— Доползли мы до того мѣста, а тамъ фугасы заложены. Страсть! разсказывалъ Мишутка, описывая, какъ онъ, благодаря своей храбрости и находчивости, перебрался черезъ минированное поле.

— Врешь! Ничего этого не было, а только ямы выкопаны, и никого тамъ нѣтъ, — корректировалъ Васька.

— А кто скулилъ, когда мы въ сараѣ прятались и австріяки насъ чуть-чуть не накрыли?—дразнилъ Мишутка Ваську.

— Ай врешь, все врешь, самъ трусилъ, на утекъ бросился. А я австріяка его же штыкомъ закололъ, когда онъ спать завалился. Наскрозъ прокололъ. Да живучъ, собака, съ полчаса трепыхался и хлипалъ.

Страшно было слушать этихъ дѣтей, рассказывавшихъ объ убійствѣ такъ просто, словно это не человѣкъ, а курица „хлипала“ и „трепыхалась“.

— Отъ, бисовы діти! — не выдержалъ хохолъ Марченко. — Якъ вони смачно розказывають. Ото-жъ бай-стріюки!

Согласно свѣдѣніямъ, добытымъ нашими „бойскоутами“, противъ насъ были выставлены двѣ сильныя батареи, и на утро, по всей вѣроятности, готовился артиллерійскій бой. Между тѣмъ здѣсь, у С-цы, были всего двѣ наши роты, служившія прикрытіемъ батареи изъ четырехъ орудій. Остальныя войска оттянулись къ В., южнѣе Самбора.

На зарѣ, когда люди еще спали, раздался первый орудійный выстрѣлъ со стороны непріятеля. Снарядъ не долетѣлъ. Вслѣдъ за первымъ ударомъ поднялась такая жестокая канонада, какой мы послѣ Равы ни разу не слыхали.

Надъ нами осыпалась земля, сыпались осколки, жужжали и выли ядра, и, со свистомъ нагнетая воздухъ, летали неуклюжіе „чемоданы“. Въ одно мгновеніе насыпь сравнялась съ землей, и только глубокая траншея, вырытая наканунѣ, защищала насъ отъ огня.

— Онъ те и почесаться не дастъ, — говорили солдаты, качая головами при видѣ бороздящихъ сѣрое небо снарядовъ.

Артиллерійскій офицеръ Н., маленькій и юркій, со сбитой въ войлокъ бороною, весь забрызганный грязью,

съ трубкой въ зубахъ, ежеминутно фукалъ въ озябшія ладони, произносилъ странный, свойственный ему звукъ „фрр, фрр“ и оживленно и весело отдавалъ приказанія.

— Номеръ первый, накатывай!

„Номеръ первый“ высокій, худой артиллеристъ, былъ давно раненъ въ руку навывлетъ. Но онъ не обращалъ никакого вниманія на свою рану и продолжалъ „накатывать“.

— Номеръ второй, наводи: шесть десятыхъ!

„Второй номеръ“, круглый, какъ мячикъ, толстенькій солдатъ Гавриловъ, шелъ въ припрыжку къ орудію и съ особеннымъ шикомъ, ловко и кругло, справлялся съ прицѣломъ.

Изъ восемнадцати человѣкъ артиллерійской прислуги четверо было убито, одинъ съ развороченнымъ животомъ лежалъ въ сторонѣ безъ сознанія и выкрикивалъ что-то нелѣпое, вроде:

— Отдай сапоги! Мои сапоги!

Но ни на убитыхъ, ни на тяжело раненаго никто не обращалъ никакого вниманія. Весело и бойко, словно дѣлая спорую и веселую работу, батарея подъ градомъ ядеръ знай, пострѣливала себѣ, отвѣчая слабымъ громыханіемъ четырехъ орудій на ревъ двадцати непріятельскихъ пушекъ. Офицеръ попыхивалъ своей трубкой, пуская огромные клубы дыма и въ промежуткахъ между ними отдавая распоряженія; „номера“ оживленно суетились по площадкѣ, Мишутка и Васька подносили снаряды, мы молча наблюдали, и вѣзмъ, казалось, было весело отъ этой живой, спорой работы, и никто не замѣчалъ, не чувствовалъ никто ужаса смерти, говорившей громовыми ударами канонады.

— Р-ръ, р-ръ! безъ умолку ревѣли непріятельскія батареи.

— Пуфъ, пуфъ, — задорно отвѣчали имъ наши четыре пушки.

— Накатывай! — весело покрикивалъ офицеръ со своей вышки.

Каждый выстрѣлъ отдавалъ пушку назадъ, она откатывалась, а „номера“, понатужившись, налаживали орудіе на прежнее мѣсто.

— У ужась! — пугали рвущіяся ядра, грохоча и визжа надъ нашими головами.

— Ничего, не страшно! отвѣчали имъ веселые глаза солдатъ, хлопотавшихъ подлѣ пушекъ и не имѣвшихъ времени даже посмотреть, что дѣлается вокругъ нихъ.

— Цѣль въ деревню, — крикнулъ со своего мѣста офицеръ.

— Вотъ это хорошо! — радостной бѣготней, усилившейся у батареи послѣ этого приказанія, сказали артиллеристы.

Деревня находилась въ центрѣ расположенія неприятеля, и зажечь ее значило выбить его изъ позиціи. А если бы удалось взорвать находившійся тамъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, то это значило бы еще больше.

— Выкатывай впередъ номеръ два.

Офицеръ самъ вышелъ на линію огня, сталъ впереди пушки „номеръ второй“ и спокойно, не спѣша, отмѣчалъ мѣсто, гдѣ ее слѣдовало поставить. Несмотря на то, что у ногъ его упалъ шрапнельный стаканъ и, отбивъ щебенъ, визгливо зазвенѣлъ и лопнулъ, офицеръ не уходилъ оттуда, а выпустилъ облако дыма изъ рта, внимательно посмотрѣлъ на рвущуюся шрапнель и, улыбувшись отъ веселой мысли, которую зналъ онъ одинъ, повторилъ:

— Накатывай!

— Ай, дяденьки! — крикнулъ Мишутка, хватаясь за бедро.

Его ранило осколкомъ шрапнели. Разорвало штанину сверху до самого сапога, и на голенище тонкой

струйкой побѣжала кровь. Онъ, волоча за собою раненую ногу, отползъ въ сторону, заплакалъ дѣтскимъ, всхлипывающимъ плачемъ, а потомъ, видимо рѣшивъ, что плакать стыдно, выругался.

— Уберите его, — не глядя на Мишутку, приказалъ офицеръ. И добавилъ:

— Чтобы не похабничалъ здѣсь!

Мишутку отнесли въ сторону. Четыре орудія, выдвинутыя впередъ, снова загремѣли, и опять захлопотали вокругъ нихъ веселыя лица, то скрываясь въ дыму, то показываясь изъ-за него.

— Мы не шутимъ, мы совсѣмъ не шутимъ, — все ожесточеннѣе и громче громыхали неприятельскія батареи.

Кругомъ былъ какой то адъ. Взрытая снарядами земля, набросанные въ кучу камни и осколки, огненные языки, вспыхивавшіе тамъ и здѣсь, и оглушающій грохотъ.

— Недосугъ, недосугъ, — отвѣчали этому ужасу испотѣвшія лица солдатъ.

Въ сторонѣ стояла отпряженная отъ передка орудія лошадь съ перебитой ногой, изъ которой била ключемъ кровь, и приподнявъ ногу, жалобно ржала. Подлѣ нея ничкомъ, съ почернѣвшимъ затылкомъ, лежалъ убитый артиллеристъ. Другой, сидя, перевязывалъ щеку, пробитую пулей, все не могъ наладить бинта и бранился. Мишутка тихо стоналъ, а Васька напуганный и блѣдный, сползъ на четверенкахъ внизъ, въ траншею и притаился въ углу.

А наверху весело перекликались голоса:

— Готово?

— Есть.

— Жарь!

— Ба-бахъ!

— Деревня горить, ваше скородіе!

— Молодцы, братцы. Бей въ середину.

— Рады стараться.

Ужасный, оглушительный грохотъ. Словно треснула земля, и изъ ея пѣдръ къ самому небу взметнулся столбъ пламени и дыма. Это взорвались склады въ деревнѣ.

Вдали показался офицеръ на бѣлой лошади. Онъ скакалъ во весь духъ къ намъ, но, не доскакавъ, остановился и приникъ всѣмъ тѣломъ къ сѣдлу: страшно. Крикнулъ:

— Приказано уходить къ 3. Отъ штаба.

И вытянувъ коня плетью, во весь опоръ бросился назадъ.

— Зачѣмъ уходить, когда здѣсь такъ весело? — словно спросили еще не остывшія, разгоряченныя лица солдатъ.

— Запрягай! Передки ладь!

— Стройся. Лѣвое плечо впередъ, кругомъ—аршъ.

Васька выскочилъ изъ своего угла и, улыбаясь невѣдомо чему, сталъ на свое мѣсто.

Мишутку уложили на передокъ орудія. Онъ не стоялъ, не бранился, а смотрѣлъ назадъ на горѣвшую деревню своими дѣтскими голубыми, много видѣвшими глазами.

Улыбка родины.

— Газеты принесли! Газеты! И письма есть!

Мы ждали сапоговъ, которые истрепались въ конецъ, благодаря длиннымъ переходамъ по гористой мѣстности; ждали обозовъ съ провіантомъ и полушубками,—во всемъ этомъ была большая нужда: наступили холода, по ночамъ подмерзала вода въ траншеяхъ, нельзя было ничего достать кругомъ даже за большія деньги, потому что деревушки и села были пусты и частью сожжены артиллерійскимъ огнемъ или самими жителями. Обозы прибыли. Тутъ были и новые сапоги, и свѣжіе, уютно пахнувшіе овчиной полушубки, и консервированное мясо, мука, картофель, даже солонина была. Къ вечеру мы будемъ сыты, обуты, одѣты, а теперь, за бывъ о томъ, о чемъ мы мечтали на привалахъ, въ землянкахъ и сырыхъ траншеяхъ въ морозныя ночи и дождливые дни, забывъ обо всемъ, мы радостно передаемъ другъ другу.

— Лагову письмо. А ты?

— Везетъ же человѣку! Мнѣ ничего нѣтъ.

— Давай, братъ, газетину сюда. Что про насъ пишутъ?

— Эй, кто грамотей побойчѣй, выходи! Газету читать полагается бойко, ровно звонъ къ заутренѣ.

— Вишь, что моя то пишетъ. Заморозки у насъ въ Уфимской губерніи пошли. Никогда того не было, чтобы въ сентябрѣ морозы.

Кашевары возятся у котловъ и завистливо поглядываютъ на сгрудившихся въ кружки солдатъ, читающихъ вслухъ свои письма. Безконечные поклоны своихъ, сосѣдей и кумовьевъ, извѣстіе о томъ, что „наша

бурая ожеребилась, а жеребеночекъ дошлый вышелъ“, сообщеніе о томъ, что „у Маньки-то нашей зубы прорѣзались“,—всѣ эти чужія, далекія радости и печали изъ глухихъ уфимскихъ и вятскихъ деревень, прилетѣвшія сюда за тысячи верстъ, глубоко волнуютъ и трогаютъ всѣхъ. Мы давно знаемъ „бурую“ Лагова, о которой въ прошломъ письмѣ писали, что она „ходитъ жеребая“, намъ знакома и Манька, меньшая дочка пензенца Дипатова, которой въ прошлый разъ „нивъстъ какая хворь прикинулась“, мы знаемъ и кума Демьяна Вострова, и Ивана Кислоокова, низко кланяющихся костромичу Дикову, они намъ близки, они родные, наши, и каждая корявая буква, съ усиленіемъ и напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей выведенная на сѣрой бумагѣ солдатскаго письма, намъ дороже и ближе, чѣмъ тысячи прочитанныхъ книгъ, ничего сейчасъ, на войнѣ, не говорящихъ нашему уму и душѣ.

Вдали гудятъ выстрѣлы. Вокругъ взрыта буграми земля, подняты ея желтые подпочвенные слои вертѣвшимися здѣсь вчера волчками снарядовъ, которыми непріятель засыпалъ наши позиціи. Глубокія траншеи съ выемками для командировъ черезъ каждыя пять саженъ, съ извилистыми ходами ко второй линіи окоповъ, напоминаютъ о дняхъ и ночахъ, проведенныхъ здѣсь подъ громъ канонады. Мы сидимъ на днѣ траншеи. Надъ нами съ обѣихъ сторонъ ея глянцевитыя отъ сырости, глинистыя снизу и черныя наверху стѣны. Выше—навѣсь изъ прилаженныхъ другъ къ другу круглыхъ бревенъ, еще пахнущихъ смолою, покрытыхъ землянымъ настиломъ. Въ амбразуры между бревнами видно чистое, голубое небо, такое ясное и такое веселое, что не вѣрится, будто здѣсь война. И запахъ свѣже отесаннаго дерева, и тяжелый, но ароматный какъ весною, духъ, идущій отъ сырости земли, и синіе просвѣты неба, и то, что „бурая ожеребилась“, и что

„у Маньки прорѣзаться стали зубы“—такъ далеко отъ войны, такъ чуждо ей, какъ и новыя лица солдатъ, которые кажутся сейчасъ совсѣмъ не солдатами, а пензенскими и тульскими мужичками, собравшимися всей артелью послушать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ хорошаго.

Грамотей Соколовъ, запинаясь на трудныхъ согласныхъ сочетаніяхъ и произнося „хлангъ“ и „бронерный ахтомобиль“, вмѣсто „флангъ“ и „бронированный автомобиль“, звучно отчеканивая непонятныя ему иностранныя слова и значительно поднимая палецъ тогда, когда они встрѣчаются, читаетъ вслухъ газету.

— Читай по порядку все,—говорять солдаты.

Соколовъ прочитываетъ заголовокъ газеты, условія подписки, адресъ редакціи, прочитываетъ объявленія о дешевой распродажѣ, о похоронахъ какого то коммерціи совѣтника Ильи Ильича Панафидина, анонсы театровъ и кинематографовъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ интересомъ, вставляя замѣчанія, вроде:

— Эка, все какъ было!

— Помалкивай, сорока, не мѣшай!

— Ловко это: „Амаля и такъ далѣ“.

— Ха-ха-ха! Здорово ловко,—смѣются по поводу стихотворнаго объявленія о папиросахъ и табакѣ какой-то фирмы.

Соколовъ отворачиваетъ внутренній листъ газеты и принимается за текстъ. Здѣсь солдаты становятся серьезнѣе, улыбки гаснутъ, хмурятся лбы, слушаютъ съ раскрытыми ртами сухія телеграммы штаба, описанія боевъ, отрывистыя свѣдѣнія объ атакахъ, и, когда прозвучитъ названіе знакомой мѣстности, говорятъ:

— Это про насъ.

Газета прочитана до конца, включая и подпись редактора и издателя. Солдаты съ видимымъ сожалѣніемъ расходятся по своимъ угламъ.

Когда читали сначала письма, а потомъ газету, слушали всѣ, даже добровольецъ инженеръ Струтинскій, которому едва ли интересно было знать о томъ, что у кого то сбѣжала бѣлая левретка съ чернымъ пятнышкомъ на лбу. Дѣло вовсе не въ этой левреткѣ, не въ бурой, ожеребившейся кобылѣ и не въ газетныхъ описаніяхъ атакъ, въ которыхъ мы участвуемъ и о которыхъ здѣсь никогда не говоримъ: дѣло въ томъ, что это писали тамъ, что это отъ туда, и каждый изъ насъ по своему хочетъ пожить воображеніемъ тамъ, забыть хоть на время объ окопахъ, о траншеяхъ, о развѣдкахъ и атакахъ.

Оттуда привезли сапоги. Солдаты собрались у вожовъ, поднимають края брезента, заглядываютъподъ него.

— А сапоги важнѣйшіе!—восхищается солдатикъ Костровъ.

— Со скрипомъ, надо полагать.

— Походишь въ нихъ,—заскрипятъ.

— Примѣрай, ребята, кому какіе.

Началась возня, смѣхъ и шутки. Бородатые и усаые солдаты, вчера бывшіе въ бою, завтра ожидавшіе новаго боя, нѣсколько мѣсяцевъ шедшіе по полямъ Галиціи и стойко вынесшіе всякія походныя испытанія, обстрѣлянные, обтерпѣвшіеся, сейчасъ, почти на виду у непріятеля, играютъ какъ дѣти, смѣются безъ всякаго повода, только потому, что радостно и празднично на душѣ: вѣдь сегодня были письма, сегодня мы были „дома“, мы увидали, что тамъ думаютъ о насъ, что бурая кобыла—это между прочимъ, все равно, какъ припѣвъ въ пѣснѣ, котораго не выкинешь, а главное—мы, только мы.

Къ свѣжему запаху земли и сосновой смолы, къ клочкамъ неба, просвѣчивавшимъ черезъ амбразуры навѣса, къ веселому говору, хохоту, хлопанію другъ друга по спинамъ прибавилось новое: запахъ ли кожи,

идушій отъ новыхъ сапогъ и вызывающій въ воображеніи городекую площадь съ ярмарочными рядами въ весенній журчащій и смѣющійся день? спокойный ли полдень и надежда провести ночь внѣ зоны боя, отодвинувшагося отъ насъ къ З.? Нѣтъ, не то. Это новбе, какъ улыбка знакомаго лица, пахнуло на насъ роднымъ и близкимъ изъ писемъ, изъ газеты, съ банальныхъ, ляпидарныхъ статей о насъ; родину почувствовали, родину, пришедшую къ намъ въ окопы и заглянувшую въ наши души.

Канонада ближе и ближе. Вокругъ нашей линіи окоповъ идетъ большое сраженіе, разгораясь все сильнѣе, разворачиваясь шире, то приближаясь до такой степени, что къ намъ залетають снаряды, то удаляясь настолько, что перестаютъ быть слышны пушечные выстрѣлы. Утромъ бой былъ слѣва отъ насъ, къ полудню онъ передвинулся къ лѣсамъ, находящимся противъ насъ, сейчасъ заходящее солнце бьетъ намъ въ глаза снопами веселыхъ лучей, и тамъ на западѣ курятся бѣлые дымы канонады.

— На зарѣ быть жаркому бою,—говорить кто-то среди солдатъ сочнымъ, необыкновенно громкимъ, среди общаго шума и смѣха, голосомъ.

— Брось, Гавриловъ. Сапоги на тебѣ новы?

— Новы. Ну?

— Кашу лопаль?

— А ну, да.

— Со свѣжинкой?

— Съ говядиной. Ну?

Нукай. Сытъ, обутъ, нось въ табакѣ, а чему быть завтра, будемъ тогда толковать. Давай бороться.

— А ну ты! Свалю вѣдь.

Гавриловъ славится своей силой и гордится ею, но борется неохотно. Въ бою онъ рисуется своей силой и бьетъ больше кулакомъ, ломить грудь, чѣмъ штыкомъ и прикладомъ.

Какъ два быка, нагнувъ головы и глядя другъ на друга исподлобья, стоятъ рядомъ Гавриловъ и Тренковъ. То Гавриловъ, сдѣлавъ свирѣбое лицо, толкнетъ локтемъ Тренкова, то Тренковъ, хмурия свои бѣлесыя брови и ерша усы, двинетъ въ бокъ Гаврилова. Борьба еще не началась, но солдаты подзадариваютъ другъ друга, какъ два пѣтушка, собирающіеся подраться.

А неподалеку отъ нихъ лихо отплясываетъ какой-то мудреный танецъ пѣвунъ и танцоръ Малыго, высоко подбрасывая ноги въ новыхъ сапогахъ, поводя плечами и покрикивая тонкимъ фальцетомъ:

— И-ихъ, этакъ, вотъ какъ!

И борьба, затѣвающаяся между Тренковымъ и Гавриловымъ, и лихая пляска Малыго, и непонятная, невѣдомо откуда пришедшая ко всѣмъ бодрая радость — все это оттого, что привезли намъ оттуда, изъ дому улыбку и сказали о томъ, что насъ не забыли.

Уже свечерѣло. Уже громче и чище звуки выстрѣловъ въ вечернемъ чистомъ воздухѣ. Два солдата, Киренковъ и Платовъ, сочиняютъ въ углу письмо въ стихахъ:

— Ты дражайшая жена,
Не тужи, что ты одна...

— Надо бы о Георгіи вернуть, да какъ бы это половчѣе,—говоритъ Платовъ, недавно представленный къ Георгію за развѣдку.

— Анадись ротный сказывалъ, будто мы долго тута постоимъ,—слышится свѣжій въ вечерней синевѣ голосъ Норова, лѣниваго и „ледащаго“ солдатака.

— Такъ вотъ, братцы мои, приходитъ это къ яму аглицкій царь и говорить: „Сукинъ ты сынъ!“—разсказываетъ кто-то сказку.

— Ловко,—ободряютъ слушатели оборотъ рѣчи „аглицкаго царя“.

— Бумъ!—врывается въ тишину и мирную бесѣду неожиданный грохотъ одинокой пушки.

— Бумъ, бумъ,—просыпаются другія пушки.

И скоро впереди окоповъ загораются знакомые намъ сполохи выстрѣловъ, бороздя потемнѣвшее небо яркими красными полосами огня.

— Енъ началъ,—тихо говорятъ солдаты.

Никому не хочется нарушать сладкую тишину, наступившую послѣ радостнаго хлопотливаго дня. То мы были какъ будто дома, а теперь опять война и привычное для уха громыханіе разрывовъ.

— Буде, ребята, буде. Вылазь.—слишится ласково начальственный голосъ взводнаго.—Становись въ окопы, енъ начинается атаку.

Очарованіе развѣяно, но въ душѣ осталось бодрое и сильное чувство.

— Ну и зададимъ мы ему трепку!

— Эхъ, размахнуться бы въ рукопашной, братцы. Я бы таперь...

— Куды ему супротивъ насъ! Шутка ли всѣмъ народамъ идемъ.

— Вѣрно!

Если бы сейчасъ, подѣ обаяніемъ такого хорошаго дня, бросили этихъ Гавриловыхъ и Тренковыхъ, этихъ пензенцевъ и вятичей, въ атаку, они также радостно, какъ только что плясали, боролись, смѣялись и возились другъ съ другомъ, ринулись бы въ бой и сложили бы свои головы, кому судьба ее сложить.

— Стрѣля—ай!

— Та-та-тахъ!—крикнули винтовки.

И бодро, и весело нащупывали затворъ ставшіе вдругъ ловкими и проворными корявые пальцы.

